

Таким образом, в исследованных концептуальных вариантах метафизики всеединства просматриваются общезначимые методологические установки, онтологические позиции, подтверждающие образование парадигмального ядра русской религиозной философии.

Исследование выполнено в рамках аналитической ведомственной программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 гг.)» (проект №2.1.3./6499).

Примечания

- ¹ Франк С. Предмет знания. Душа человека / С. Франк. Минск; М., 2000. С.8.
- ² См.: Зеньковский В.В. История русской философии: в 2 т. / В.В. Зеньковский. Л., 1991. Т.2, ч.1. С.8.
- ³ См.: Гулыга А.В. Искатель истины / А.В. Гулыга // Соловьев В.С. Избранное. М., 1990. С.17.
- ⁴ См.: Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве / В.С. Соловьев // Чтения о Богочеловечестве. Статьи. Стихотворения и поэма. Из «Трех разговоров». СПб., 1994. С.127.

⁵ Соловьев В.С. Указ. соч. С.127.

⁶ Там же. С.127–128.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С.109.

⁹ Франк С.Л. Непостижимое / С.Л. Франк // Сочинения. М., 1990. С.521.

¹⁰ См.: Франк С.Л. Указ. соч. С.466–482.

¹¹ Там же. С.240–243.

¹² Там же. С.466.

¹³ Там же. С.509.

¹⁴ См.: Карсавин Л.П. Saligia или весьма краткое и душеполезное размышление о Боге, мире, человеке, зле и семи смертных грехах / Л.П. Карсавин // Соч. М., 1993. С.32–35.

¹⁵ См.: Карсавин Л.П. Философия истории / Л.П. Карсавин. СПб., 1993. С.40.

¹⁶ Там же. С.55.

¹⁷ См.: Флоренский П. Соч.: в 4 т. М., 2000. Т.3(1). С.460.

УДК 130.2

МОРИС ХАЛЬБВАКС: КУЛЬТУРНЫЕ КОНТЕКСТЫ ПАМЯТИ

Е.В. Романовская

Саратовский государственный аграрный университет им. Н.И. Вавилова
E-mail: evromanovskaya@mail.ru

М. Хальбвакс положил начало новому научному направлению – социологическому исследованию памяти, его труды, посвященные проблеме коллективной памяти, оказались чрезвычайно востребованными и плодотворными для гуманитарных наук конца XX и начала XXI века. Он решает проблемы соотношения коллективной и индивидуальной памяти, памяти и истории, памяти и традиции, социально-культурных функций памяти.

Ключевые слова: память, коллективная память, история, традиция.

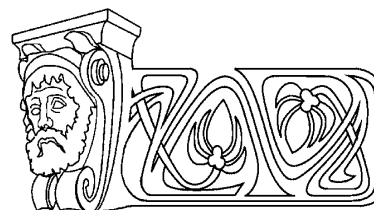
Morris Halbwachs: Cultural Contexts of Memory

E.V. Romanovskaya

M. Halbwachs founded new school – social studies of memory. M. Halbwachs's works related to collective memory problems turned out to be highly actual and productive for humanitis of late XX and early XXI centuries. His works include the issue of correlation of collective and individual memory and history, memory and tradition, the problem of social and cultural memory functions.

Key words: memory, collective memory, history, tradition.

Морис Хальбвакс – французский социолог (1877–1945), принадлежавший к дюркгеймовской школе социологии, стал известен после выхода своего труда «Социальные

рамки памяти» (1925)¹. Его книга положила начало новому научному направлению – социологическому исследованию памяти, над этой же темой Хальбвакс продолжал работать все последующие годы. Спустя несколько десятилетий, после его смерти, был опубликован другой его труд «Коллективная память»², и его идеи получили неожиданный резонанс. Теоретическая монография французского социолога, впервые вышедшая еще в 1950 г., оказалась широко востребованной в гуманитарных науках последних десятилетий. Хальбвакс писал о природе коллективной памяти задолго до того, как эта проблема привлекла внимание учёных. Между двумя мировыми войнами он написал серию статей о движущих силах коллективной памяти. Его работы долгое время были в забвении, их считали неким приложением к социологии Э. Дюркгейма, а в настоящее время они вновь востребованы, но осталось множество вопро-

сов: почему мы помним то, что помним? почему именно в этих «формах», а не в иных? каким образом индивид обретает память семьи, предков, страны, культуры? как социум культивирует разные типы памяти? Российское общество в очередной раз в поисках идентичности стоит перед выбором, что помнить и что вспоминать о своём прошлом (а также, что забыть), и как это сделать.

Психологи обычно определяют память как отражение сознанием того, что было в прошлом опыте, путём запоминания, воспроизведения и узнавания. Но это ментальное явление превращается в социально-ментальное или социокультурное, когда речь идёт о философско-социологическом анализе, который фокусирует внимание на коллективном, нормативном и культурно-семиотическом аспектах памяти. Одно из определений памяти заключается в том, что она – создательница прошлого, и отмечается её способность находиться во времени. Универсальное значение – это отбор, хранение и воспроизведение информации. Биологическое наследование памяти родовых и видовых признаков в обществе передачей традиции дополняется знаковыми (культурными) средствами и осознанием временной и временной природы живого. Последние два свойства создают громадный арсенал мнемотехник – от памятных узелков до компьютеров – и фантастическую сложность переживаний человеческого бытия во времени, отражённую в религии, философии, литературе, искусстве³.

Память как глубинный источник человеческого воображения была известна в древнегреческой мифологии под именем Мнемозины, матери муз, покровительницы наук и искусств. Платоном и неоплатониками эпохи Возрождения она определялась как знание об архетипах, основанное на соответствиях между человеческим воображением и идеальными формами трансцендентного космоса. Вся терминология, относящаяся к памяти, характеризуется многозначностью. Философы, антропологи оперируют понятием коллективной памяти, обозначая им комплекс разделяемых данным сообществом мифов, традиций, верований, представлений

о прошлом. Прошлое есть интегральная часть космоса, исследовать его – значит открыть то, что скрыто в глубинах бытия. Поскольку символ памяти в архаической Греции – Мнемозина, это сразу указывает, что мнемическая деятельность воспринималась первоначально как поэтическое общение с прошлым. Но это общение не является собственно мнемическим, оно сродни воображению и находится в тесной связи с эмоциональной сферой. Историки вслед за антропологами и социологами стали употреблять понятие коллективной памяти, хотя долгое время предпочитали в этом значении использовать термин «коллективная ментальность», разработанный представителями школы «Анналов». Но уже в 1990-е гг. немецкий египтолог Я. Ассман разработал теорию культурной памяти и сформулировал задачи её изучения в рамках нового научного направления, которое он обозначил как «история памяти»⁴. Он творчески развивает и продолжает идеи М. Хальбвакса. Ассман ввёл принципиальное различие между «живой» коммуникативной и *символической культурной* памятью – между устной традицией, возникающей из опыта пережитого и культивации воспоминаний в контексте межличностных взаимодействий в повседневной жизни, и традицией формализованной, выходящей за рамки опыта отдельных людей или групп и выраженной в памятных местах, датах, церемониях, в письменных, изобразительных и монументальных памятниках. Коммуникативная память мало формализована, это, скорее, устная традиция, возникающая в интерактивном контексте человеческих отношений в повседневной жизни, – своего рода «живое воспоминание», существующее на протяжении жизни трёх поколений: дети – отцы – деды. Её недолговечность (всего 80–100 лет) и отсутствие общепризнанных «пунктов фиксации», связывающих её с глубоким прошлым, в первую очередь, отличают коммуникативную память от культурной.

К концу XX в. в зарубежной историографии сложились представительные школы исследователей исторической (культурной) памяти, и число публикаций, посвящённых этим проблемам, быстро и неуклонно росло.

Несмотря на заметные концептуальные и терминологические различия, все они имеют общую характеристику – главным предметом истории становится не событие прошлого как таковое, а *память* о нём, тот образ, который запечатлелся у переживших его участников и современников, транслировался непосредственным потомкам, реставрировался или реконструировался в последующих поколениях, подвергался проверке и коррекции с помощью методов исторической критики. Само же понятие «память» употребляется в значении «общий опыт, пережитый людьми совместно» (речь может идти и о памяти поколений) и более широко – как исторический опыт, отложившийся в памяти человеческой общности.

Историческая память понимается как коллективная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание *группы*), или как социальная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание общества), или в целом – как совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом. Историческая память – одно из измерений коллективной/социальной памяти, это память об историческом прошлом, или, вернее, его символическая репрезентация. Она – не только один из главных каналов передачи опыта и сведений о прошлом, но и важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо оживление разделяемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особое значение для конструирования и интеграции социальных групп в настоящем.

М. Хальбвакс предложил акт воспоминания в истории, коллективные воспоминания («коллективная память», по Хальбваксу) рассматривать как общественный феномен, необходимый в социальной практике для выживания общества. Коллективная память является, с точки зрения исследователя, залогом идентичности общества. Предлагая свою концепцию памяти, он исходит из того, что индивиду доступны два вида памяти – индивидуальная и коллективная. Используя

дюркгеймовские «коллективные представления», Хальбвакс переносит рассмотрение памяти в окружающий индивида социальный контекст. С одной стороны, воспоминания человека вписываются в рамки его личной жизни, с другой – он способен вести себя как член группы, вызывая в памяти воспоминания, затрагивающие его группу. Эти две памяти часто проникают друг в друга, но не смешиваются. Индивидуальная и коллективная память развиваются по собственным законам. Первая может опереться на коллективную, когда необходимо уточнить какое-либо воспоминание. Если индивидуальные воспоминания попадают в коллективную память, они меняются и уже не являются сознанием личности⁵. Хальбвакс эти два типа памяти называет и по-другому: внутренняя, личная, автобиографическая и внешняя, социальная, историческая. Первая, безусловно, использует вторую, так как жизнь человека – это часть истории, вторая же – шире первой и более суха и схематична. Чтобы уточнить разницу между двумя видами памяти, ученый обращается к феномену социального времени. «Наши жизни расположены на поверхности обществ, они повторяют их движение и испытывают на себе последствия их сотрясений. Но то или иное событие занимает свое место в ряду исторических фактов лишь через некоторое время после того, как оно происходит. Стало быть, мы можем привязать различные фазы нашей жизни к событиям национального масштаба лишь задним числом»⁶.

События коллективной, групповой жизни могут быть для человека лишь внешними рамками. Когда мы вписываем события, случившиеся до нашего рождения, в историю своей жизни, они играют роль внешней исторической рамки. И если это происходит сравнительно легко, то потому, что наш мир сформирован этими рамками. Термин «рамка» или «социальные рамки» Хальбвакс заимствовал у Дюркгейма и часто использует для характеристики социальной составляющей памяти⁷. Опорные, базовые социальные воспоминания и образуют эту «рамку». Английский историк П. Хаттон так пишет по этому поводу: «Коллективная память – это

сложная сеть общественных нравов-ценностей и идеалов, отмечающая границы нашего воображения в соответствии с позициями тех специальных групп, к которым мы относимся. Именно через взаимосвязь этих отдельных образов формируются социальные рамки <...> коллективной памяти, и только внутри этой системы координат может быть расположена индивидуальная память, если ей суждено выжить»⁸.

В своей концепции памяти Хальбвакс полемизирует с А. Бергсоном, учеником которого он являлся. Всё ли прошлое остаётся в нашей памяти?⁹ По мысли Бергсона, ответ на этот вопрос должен быть положительным. Прошлое предстаёт в нашем сознании завершённым, как печатные страницы книги, которую в любой момент можно раскрыть. Хальбвакс думает по-другому: в индивидуальной памяти остаются не готовые образы, но в обществе содержатся все факты, чтобы восстановить ту или иную часть нашего прошлого. Взаимосвязь личной, индивидуальной памяти и той формы коллективной памяти, которую мы называем исторической, имеет свои особенности. Хальбвакс обращается к оппозиции «память – история» и подчёркивает различие между типами прошлого, которое они восстанавливают. Память – за сходство между прошлым и настоящим. История же – за различия. У истории критическая позиция по отношению к прошлому. Она отменяет эмоции, с которыми связана и на которые воздействует память. События и образы, восстанавливаемые памятью, зыбки, а исторические свидетельства достоверны. Ученый показывает, как в передаче реальности прошлого ненадёжна память и как объективна история.

Коллективная память, по Хальбваксу, не совпадает с историей. Она творит связь прошлого и настоящего, а история разрывает эту связь. «Коллективная память не совпадает с историей и <...> выражение “историческая память” выбрано не очень удачно, потому, что оно связывает два противоположных во многих отношениях понятия. История – это, несомненно, собрание тех фактов, которые заняли наиболее важное место в памяти людей. Но, будучи прочитанными в книгах,

изучаемыми и заучиваемыми в школах, события прошлого отбираются, сопоставляются и классифицируются, исходя из потребностей или правил, которые не были актуальными для тех кругов, которые долгое время хранили живую память о них. Дело в том, что история обычно начинается в тот момент, когда заканчивается традиция, когда затухает или распадается социальная память. Пока воспоминание продолжает существовать, нет необходимости фиксировать его письменно, да и вообще как-либо фиксировать. Поэтому потребность написать историю того или иного периода, общества и даже человека возникает только тогда, когда они уже ушли так далеко в прошлое, что у нас мало шансов найти вокруг себя многих свидетелей, сохраняющих о них какое-либо воспоминание»¹⁰.

Исследователи отмечают тот факт, что чем более значительную роль играет память, тем важнее определить отношение между ней и историей. Интерес Хальбвакса к меняющимся со временем образам коллективной памяти привёл его к новому взгляду на исторический факт. Он считает, что сама история памяти несёт в себе свидетельство её ненадёжности. Современные историки представляют её как репрезентацию, как предмет исторического исследования. Работы Хальбвакса вдохновили целый ряд исследований коммемораций (объектов коллективной памяти), историки эпохи постмодерна опираются на его открытия. Поскольку индивидуальная память ненадёжна, то они могут опираться только на то прошлое, которое осталось в виде коммеморативных останков. Хотя они не могут свидетельствовать о мыслях, идеях, намерениях людей, но можно написать историю трансформаций образов прошлого, как сделал М. Фуко в своей книге «История безумия»¹¹. В контексте «коллективной памяти» М. Хальбвакса французский историк П. Нора издаёт многотомный сборник «Места памяти»¹². Работа Нора и его соавторов показывает, как память о прошлом и история прошлого Франции оказываются в центре идентификации настоящего. Главный интерес для него представляют не события прошлого, а скорее их репрезентации. Место

памяти для Нора – это не только физическое, топографическое место, но и символическое. Нора представляет в качестве мест памяти архивы, французский флаг, Пантеон, стену коммунаров, словарь Ларусса, праздничные церемонии. Символы и артефакты представляют собой материал для исторического исследования, и в этом ученый следует Фуко, по мнению которого, история является изучением коммеморативных форм. Внимание историка переключается с идеи на образ: «Память, история. Мы отдаем себе отчет в том, что все противопоставляет друг другу эти понятия, далекие от того, чтобы быть синонимами. Память – это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы, и в этом смысле она находится в процессе постоянной эволюции, она открыта диалектике запоминания и амнезии, не отдает себе отчета в своих последовательных деформациях, подвластна всем использованиям и манипуляциям, способна на длительные скрытые периоды и внезапные оживления. История – это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет. Память – это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. История же – это репрезентация прошлого»¹³.

Историческая память – не только один из главных каналов передачи опыта и сведений о прошлом, но и важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом. Определить собственную идентичность требуют от человека условия его внешней жизни. Она меняется от контекста, в котором существует. Но процесс идентификации социально обусловлен, формы идентификации и самоидентификации зависят от психологических и культурных факторов. По Хальбваксу, общность памяти может быть размыта, если разрушаются социальные рамки, которые её поддерживали. «Негативный аргумент: когда мы уже не являемся частью группы, в чьей памяти сохраняется то или иное воспоминание, наша собственная память, не имея внешней опоры, угасает. Позитивный аргумент: мы вспоминаем только при условии, что становимся на точку зрения одной или нескольких

групп, перемещаемся в одно ли несколько течений мысли. Иначе говоря, воспоминания не передаются в одиночестве»¹⁴. У Нора же речь идёт не столько об истории, сколько о том, как предметы и вещи входят в историю. В современном, стремительно меняющемся мире, чтобы не исчезли многие вещи, создаются разнообразные учреждения – «институты памяти» – архивы, музеи, библиотеки, банки данных, и это зеркало нашей идентичности.

Решение проблемы поиска и кризиса идентичности в контексте коллективной памяти сталкивается со многими опасностями. С одной стороны, общество теряет свою идентичность, и наступает ситуация, когда коллективная память насаждается, культивируется посредством проведения регулярных ритуалов, создания мемориалов и других коммемораций, чтобы легитимизировать различные государственные идеологии. Существует стремление «пригласить» историю. Что касается городской застройки или реставрации памятников, то не исключены воздействия властей на жителей города с целью принятия такой версии прошлого, которая устраивает городские власти. С другой стороны, проблема идентичности в современном обществе связана с обилием травматических событий в современной истории и с запаздыванием признания их значимости (Вторая мировая война, Холокост, ГУЛАГ, война во Вьетнаме...). Жертвы этих событий страдают от разрушения идентичности. Е. Трубина пишет: «П. Нора подчёркивает, что наиболее фундаментальная цель подобных мест – “остановить время, заблокировать работу забвения”. Однако места памяти выполняют свою функцию не всегда. Легче помнить славное прошлое, чем прошлое трагическое»¹⁵.

Один из подходов к проблеме памяти, который господствует сегодня в историографии, состоит в том, что память сводится к репрезентации: подчёркивается момент воспоминания и игнорируются повторение, стереотипы мышления. Речь идет об отрицании традиции: теоретическое обоснование этого положения предложил Хальбвакс и развил Фуко. Он отрицал традицию как основание исторического исследования, так как считал,

что, обращаясь к традиции, историки связывают её с отдельными концепциями прошлого. Традиции создают иллюзию единства и направленности интеллектуального поиска, повторяя и модифицируя предшествующий интеллектуальный ориентир. По мнению Фуко, история является изучением коммеморативных форм, а её главный интерес лежит в области политики, имеющей дело с памятью. Хальбвакс считал, что в традиции прошлое оценивается в связи с потребностями настоящего. И поскольку традиция использует коллективную память в интересах настоящего, то она превращается в процесс политических манипуляций¹⁶.

Подводя краткий итог, можно сказать, что труды М. Хальбвакса, посвящённые проблеме коллективной памяти, оказались чрезвычайно востребованными и плодотворными для гуманитарных наук конца XX и начала XXI в. Он поднял проблемы соотношения коллективной и индивидуальной памяти, памяти и истории, памяти и традиции, социально-культурных функций памяти. С идеями Хальбвакса спорят, их дополняют и развивают¹⁷. Это лучшее свидетельство того, что наследие французского исследователя живо и современно.

Примечания

- ¹ См.: Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. М., 2007.
- ² См.: Хальбвакс М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. 2005. №2–3 (40–41). С.8–27.
- ³ См.: Шкуратов В.А. Историческая психология / В.А. Шкуратов. М., 1997. С.438.
- ⁴ См.: Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. М., 2004.
- ⁵ См.: Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. С.8.
- ⁶ Там же. С.10.
- ⁷ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти.
- ⁸ Хаттон П. История как искусство памяти / П. Хаттон. СПб., 2003. С.129.
- ⁹ См.: Бергсон А. Собр. соч.: в 4 т. М., 1992. Т.1.
- ¹⁰ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. С.10.
- ¹¹ Фуко М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко. СПб., 1997.
- ¹² См.: Нора П. Франция – память / П. Нора, М. Озуф [и др.]. СПб., 1999.
- ¹³ Нора П. Указ. соч. С.2.
- ¹⁴ Рикёр П. Память, история, забвение / П. Рикёр. М., 2004. С.170.
- ¹⁵ Трубина Е. Места памяти, монументы и «новая» демократия / Е. Трубина // Топос. 2000. №3. С.8.
- ¹⁶ Хобсбоум Э. Изобретение традиций / Э. Хобсбоум // Вестник Евразии. 2000. №1(8). С.47–62.
- ¹⁷ Устьянцев В.Б. Человек, жизненное пространство, риск: ценностный и институциональный аспекты / В.Б. Устьянцев. Саратов, 2006.